

ОТКРОВЕНИЕ

История Вселенской Любви

MAXX MIRRA

Махх Mirra

**Откровение: История
Вселенской Любви**

«Автор»

2026

Mirra M.

Откровение: История Вселенской Любви / М. Mirra — «Автор»,
2026

Что, если Любовь — не только Чувство, но Структура Вселенной? Двенадцать глав — Двенадцать Откровений. В каждой из них сокрыто тихое послание для того, кто Идет по Пути Озарения. Из Небесной Канцелярии «случайно», но по Великому Божественному Замыслу, в наш земной мир выпадают две души и становятся влюблёнными людьми. На них возложена Великая Небесная Миссия, но тёмные силы и Тени всеми силами преграждают им путь. В каждой жизни они узнают друг друга, но не сразу. Затем к ним возвращается память — сначала к ней, потом к нему. С ней приходят Небесные Воинства и Наблюдатели, а герои вспоминают, кто они на самом деле и узнают свою настоящую Силу! Внутри Книги: История Пробуждения, Любви, Ангелов и Судьбы; Видения, Древо Желаний, Четвёртый Всадник; Тайный язык чисел и Знаков. Любовь — это Всё, Начало и Конец!

© Mirra M., 2026

© Автор, 2026

Maxx Mirra

Откровение: История Вселенской Любви

Предисловие

Как часто мы встречаемся с Чудом?

Оно повсюду... как часто мы сидим или проходим рядом, и мы просто его не замечаем, как мы не замечаем воздух, которым дышим, и как рыбы не видят воду, в которой живут, потому что наши мысли погружены в другие заботы...

И всё же... один из самых ценных Даров Судьбы для человека — это увидеть и испытать это Чудо, что-то Небесное, необъяснимое и невиданное...

Иногда нужно просто проснуться и вспомнить... кто ты есть на самом деле...

Глава 1

Любовь это Всё, Начало и Конец

Золотые Ворота Небесной канцелярии на третьем этаже отворились и оттуда вылетела повозка, запряженная тремя крылатыми конями. Управлял повозкой благородный старец ангел, который подпевал себе под нос небесную мелодию. Повозка медленно опустилась, выровнялась и помчалась дальше по космическому Млечному пути. Позади старца в самой повозке горкой лежали и бряцали многочисленные лампадки с мерцающими огоньками Райских Душ, тут же рядом лежали стопки записок, похожие на те, которые пишут прихожане в храмах...

* * *

Внезапно чуть заметный боковой ветер слегка качнул повозку, и две лампадки, которые мерцали заметно другими цветами изнутри, незаметно выпали из повозки. Старец открыл глаза, схватился за вожжи и выровнял повозку; он ничего не заметил и продолжил свой путь. Лампадки с душами, мелькая, начали кружить и падать в земную атмосферу, постепенно отдаляясь друг от друга, и медленно исчезли в гуще облаков...

(голос Старца ангела... Конечно, еще никогда во всей истории небесной канцелярии не случилось такого, чтоб лампадки с райскими душами случайно выпадали в этот мир... Но не случись этого, мы бы никогда не узнали об истории Вселенской Любви. Всё это и есть Великий Промысел Божий, который всегда был, есть и будет превыше всего...)

* * *

В 07:58 сырым мартовским утром, во вторник, Макс, тридцати двух лет, кардиолог, сидел на заднем сиденье такси, ползущего по Ленинградскому проспекту, и думал о двух вещах.

Первым был немолодой мужчина лет пятидесяти, художник, лежавший у него в клинике, с карандашом и листом бумаги. Он рисовал солнышки на всём подряд: на листе, на обороте истории болезни, на краю простыни, а жена, не отходившая от него ни на шаг, встревоженная и заботливая, только вздыхала и поправляла одеяло. Каждое утро он задавал один и тот же вопрос: смогу ли я снова гулять у моря? Сегодня Макс ответит ему «да», и впервые в жизни был уверен, что сумеет сдержать слово.

Вторым был вечер. Столик у окна в ресторане над рекой, свечи и Лена в зеленом платье. Он репетировал это неделями. Он наконец скажет вслух то, что до сих пор говорил лишь потолку по ночам: что любит ее, что хочет шумный дом и троих детей, что не представляет, как жил до нее. Она засмеется и назовет его мечтателем. Он позволит. Ведь человек, способный держать в руках чужую жизнь, сумеет удержать и один счастливый вечер.

И тут звук ушел из мира, будто кто-то приподнял иглу над пластинкой.

Такси, дождь и радио просто исчезли. В лицо ударил жар: горячий камень, чабрец, соленый запах моря. Под сандалиями лежали мраморные ступени; в кулаке был деревянный меч,

отполированный рукой, которая была его собственной и была восьмилетней. Ниже дворца раскинулся целый город у голубой бухты, купола его горели в утреннем солнце. И Макс, никогда в жизни не бывавший в Византии, точно знал, где он, и какой сейчас год, и что он голоден, и что через минуту ему драться со своим братом.

— Стилиан! Ты следующий!

Он был Стилианом. В нем не было сомнений, никаких, лишь острый, радостный страх, какой бывает перед боем, от которого нельзя отказаться. Четверо мальчишек в игрушечных доспехах стояли в зеленом саду, изображая гладиаторов, хотя императоры давно запретили настоящие бои. Ливелий играл глашатая и толпу. Ваан ухмылялся. А перед Стилианом, на два года старше и на голову выше, стоял Антоний, старший сын императора, никогда не прощавший поражений и обещавший вырасти в человека, у которого ненависть долго живет в памяти.

— Я всё равно тебя убью, — прошипел Антоний.

Он кинулся вперед. Стилиан принял удар на кожаный щит, опустил на одно колено, принял второй, а на третьем увидел брешь, как будет видеть бреши всю жизнь. Он перекатился под ногами старшего мальчика и приставил свой деревянный клинок к его незащищенному боку. «Ты проткнут!» — закричал он и раскинул руки в торжестве.

Это была только игра. Но Макс узнает, что этот единственный миг, первая победа маленького мальчика над забиякой, решил судьбу империи.

Сад сложился, как страница, и мальчика не стало.

Теперь был дворцовый сад в сумерках, мозаичный пол из синего и золота и кровь, растекающаяся по нему. Отец, Антиох, ближайший друг императора, заслонил своего господина от кривого кинжала в руке человека, пробравшегося среди посланников Аравии, и великая война, нависшая над границей, была остановлена этой единственной смелой смертью. Меньше чем через год мать последовала за отцом в могилу, и император Василий взял сироту в свой дом и сделал его четвертым сыном.

Потом годы пронеслись вспышками, яркими и быстрыми, как монеты сквозь раздвинутые пальцы. Сообразительный, нестигаемый мальчик, пытавшийся избежать каждой драки и выигрывавший каждую. Девичий смех за резной колонной: Антелла, девочка из дворца, смуглая от солнца и насмешливая, кричала ему вслед, когда он убегал через галерею: «Милый Стилиан! Я буду ждать тебя!» Пыль походной палатки, хрип умирающего, рука Василия, крепко сжавшая его запястье: «Только ты сможешь удержать империю, сынок». Корона, более тяжелая, чем казалась. Зависть братьев. Персы, арабы, готы и булгары на каждой границе, и каждый мечтал о богатейшем городе на земле, а между ними и городом стоял один человек. У него это хорошо получалось. Более того, его любили.

А потом империя отпала, и осталась только река.

Это была быстрая, бурная река в зеленой стране Ма-алуа, где говорили по-арамейски, где император собирался построить великий храм и новый город и где он стоял теперь на берегу Огора, и женские руки обнимали его сзади за пояс. На крутых берегах цвела сирень. Солнце дробилось в течении. Он чувствовал, как ее лицо прижато между его лопаток.

— Когда я почувствую дыхание смерти, — услышал Стилиан свои слова, — я приду сюда умирать. Как думаешь, моя любимая Антелла? Стоит ли приходить сюда, чтобы испустить последний вздох?

— О да, Стилиан, — сказала она. — Мы умрем здесь вместе. Старыми и счастливыми... Тут игла опустилась на пластинку.

— Эй, шеф. Шеф! Приехали. Вы в порядке?

Такси стояло у ворот клиники. Дворники всё еще били по стеклу. Часы на приборной панели всё еще показывали 07:58, словно вся минута ждала его. Водитель смотрел на него через плечо с осторожным выражением человека, повидавшего самых разных пассажиров. Рубашка

Макса промокла насквозь. Лицо было мокрым, и он с чем-то близким к ужасу понял, что плачет и что всё еще чувствует вкус сирени.

— Нормально, — сказал он. — Спасибо. Всё нормально.

Он был кардиологом. Он знал разницу между припадком и инсультом, между галлюцинацией и сном. Это не было ничем из этого. Припадок оставляет провалы; это оставило ему целую жизнь, тридцать лет, прожитых, любимых, отвоенных и похороненных за две секунды по часам на приборной панели. Он даже помнил название своего меча. Спатион.

Он стоял под дождем у клиники, не двигаясь, пока мимо него в двери спешили медсестры, и пытался решить, что хуже: что он сходит с ума или что нет. Через девять часов его ждали заказанный столик и речь, и он уже не имел ни малейшего представления, как быть обычным мужчиной, влюбленным в обычную женщину.

И вдруг, стоя под дождем, он почувствовал в груди тепло. Сначала совсем маленькое, как уголек, зажженный где-то под ребрами, оно медленно разлилось по всему телу, до кончиков пальцев, и холодный дождь словно перестал его касаться.

Чего Макс не знал и не узнает еще некоторое время, так это того, что высоко над облаками, в Небесной канцелярии, кто-то только что заметил: одна из двух давно потерянных лампад вспыхнула и горит цветом, которым прежде никогда не горела. Это пробуждалась лампада его собственной души. А кто-то другой, старше, холоднее и гораздо терпеливее, следил за обеими лампадами с той самой ночи, когда они упали.

Глава 2

Дежавю: Память Души

Видение о Византии было недавно, с полгода назад. Сейчас Макс устало смотрел в окно кабинета клиники. 2021-й год плавно тек по большим рассекающим Москву проспектам и небольшим старым улицам. Мужчина в медицинском халате отвернулся от окна и опустил отяжелевшее тело в высокое кресло, положив руки на стол. Макс утомился до неприличия и до черных мушек в глазах. Он мечтал упасть в кровать и провалиться в глубокий сладкий сон. Привычку к состраданию выработать невозможно. Хвала небесам, людям еще присуще сострадание.

Макс посмотрел усталым взглядом на руки. Он уповал больше на Бога, чем на свои руки, ибо всё в Его власти. Он встал, прошелся по кабинету и посмотрел в зеркало. Если откинуть изнуренность, то еще ничего. Тридцать два прожитых года смотрели с глубины зеркала. Он был довольно высок и строен, достаточно молод и достаточно крепок, чтобы не сломаться от обрушившихся на него несчастий. Слишком болезненны были личные потери. Потеря веры в людей. Нет ничего хуже разочарования в том, кого ты уже успел полюбить.

Не прошло месяца, как его бросила Лена. Они встречались полгода. На великолепную модельной внешности девушку у Макса были серьезные планы. Он уже вырастил мечту иметь с Леной троих детей. Пока планы не рухнули, словно оползень в горах. Он припомнил последний разговор, который прокрутил в голове бесчисленное количество раз. Этот разговор был логичен, как формула в геометрии.

Она показала ему билеты на шоу в одном из ночных клубов. Он почуял неладное, как предчувствуют гибель агнцы, беспомощно бляя. Утром обход и тяжелые больные. Какая еще программа в клубе, начинающаяся в полночь! Но Лена повела его на заклание, словно не могла расстаться, не делая его виноватым.

* * *

— Ты прости, Лена. Но у меня с утра обход, — он сделал попытку выровнять положение и попросил. — Давай в следующий раз... Я обещаю...

Она не дала ему договорить. Как Макс не замечал, насколько он ей надоел? Ей безразличны душесипательные рассказы о больных. Сейчас ее величество душевная нищета обнажала истинное лицо, прикрытое дорогой косметикой.

— Я последний раз спрашиваю, Макс. Пойдешь? — ему показалось, что Лена больше шипела.

* * *

— Господи! — красивое лицо Лены скривилось в презрении. — И на него я потратила полгода. На это существо с холодным сердцем. Тебе всегда плевать на мои желания! Я-то ездила с ним в театр. Бедный Йорик!

* * *

— А кто мне обещал острова?! Я так на них и не попала! Совсем обалдел! — Лена обнажала свою истинную сущность, не справляясь с эмоциями, которые раньше ей скрывать приходилось. — Хвала небесам, я не приняла предложение переехать к нему навсегда. Сумасшедший! Как таким только доверяют больных! Видения, ... воспоминания о прошлых жизнях! Спустился бы с облаков на землю! Воин Византии! Аха-ха-ха!

Лена сделала все, чтобы унизить его как можно больше. Она была хорошей артисткой, спектакль получился прекрасным.

— Пошел вон из моей жизни! — выдала Лена напоследок, прежде чем за ней захлопнулась дверь квартиры.

* * *

Прошел месяц, но все равно больно. Больно и обидно. Первое время он испытывал досаду и злость. На себя. И хлопал себя по лбу, вспоминая, как неосмотрительно поделился однажды случившимся первым мощным и сногсшибательным видением о Византии.

Сейчас он устал смертельно, но мысли лихорадочно бродили в голове. Как объяснить факт, что все люди на земле испытывают эффект дежавю, но не в состоянии вспомнить события, внезапно открывшиеся в нем хотя бы на секунду? От дежавю остается только острое ощущение и все. И никаких воспоминаний. Они уплывают, как человек не старается вспомнить то, что видел в момент дежавю. Макс помнил. Вот в чем отличие его личных видений от дежавю множества людей. Может, есть подобные ему, но Макс их не встречал. Тогда Лена странно на него посмотрела и будь он внимательнее и недоверчивей, он бы понял, что ей нельзя доверять сокровенное.

Лена недолго страдала. Спустя три дня после расставания, проходя по улице, он увидел ее с каким-то кренделем. Именно кренделем, как Макс от досады обозначил про себя видного и широкого парня. Лена прижималась к нему и держала его под руку. Макс остановился. Они уже почти прошли, как Лена повернула голову и заметила его. Он снова заметил презрение в ее глазах. Она отвернулась, еще крепче прижалась к своему кавалеру и зашагала прочь. «Словно во тьму» — подумал Макс. Он представил, как Лена рассказывает этому парню о Византии и покраснел.

* * *

— Ты представляешь, Лен! — захлеб он стал рассказывать девушке о видении. — Это даже не видение. Я был там, я жил там, я там любил. Я был смелым воином...

— Где там? — спросила Лена, лениво приложившись к стакану с вином.

— В Византии...

— Ты рехнулся, — она недоуменно вперила в него настороженный взгляд, но он был слишком взволнован, чтобы это заметить. Она встала. — Мне нужно в туалет...

— Лена, — только и произнес он.

Когда она вернулась, он попытался продолжить. Ему очень хотелось поделиться с девушкой, получить от нее совет, наконец. Он и тогда пожалел, что рассказал ей. Но дело было сделано.

— Я ехал в такси на работу, — горячо продолжил он. — Слава богу, я сдал накануне машину в сервис. Иначе бы устроил аварию, несомненно! Старина Фрейд утверждал, что дежавю есть ушедшее в подсознание воспоминание о реальном травматическом опыте, который был в прошлом человека. Я не согласен со стариной Фрейдом, в этой жизни я не участвовал в военных конфликтах и не люблю оружие, призванное убивать. Откуда мне знать о Византии?! Но я даже знаю, как назывался мой меч. Спатион! Я не историк и не знаток Византии! У меня нет травматического опыта, связанного с войной. Но откуда я это знаю?

— У тебя крыша поехала, трудоголик ты мой, — спокойно заявила Лена. — Ты заработался. Нам надо взять отпуск и махнуть куда-нибудь на острова. Там ты развеешься, придешь в себя, позабудешь о странных фантазиях. Решено, на острова! Только не в Византию... А то там и останешься.

* * *

— В такси произошло полное отключение всего на пару секунд. Но столько информации уместилось здесь.

Макс показал пальцем на голову. Зря он доверился Лене. Но что сожалеть о содеянном?

Теперь перед глазами Екатерина Ивановна. Макс припомнил момент знакомства с этой хрупкой старушкой. Восемидесятилетняя женщина очень слаба и требует постоянного наблюдения. Как отважно вела себя Екатерина Ивановна во время тяжелого лечения. Ее дочь всегда встревожена, как птица сторожащая гнездышко. Она ловила всем существом каждый звук. Понять дочь можно. Мать самое драгоценное, что есть у каждого.

Он зашел в палату, засунул руки в карманы халата и пристально всмотрелся в старушку. Екатерина Ивановна сидела на больничной койке в белой сорочке, облокотившись спиной на подушку и старательно рисовала на белом листе. Лист лежал на большой книге, а книга на ее коленях. Удивительно, что она не высунула язык от старания. Она оторвалась от дела и почти безразлично посмотрела на него. Екатерина Ивановна слишком привыкла к людям в белых халатах, а поэтому принялась рисовать снова.

* * *

Макс присел на кровать рядом со старушкой и глядя на рисунок, спросил.

— Что вы рисуете, Екатерина Ивановна?

— Это наш дом. Вот мои цветы. Я люблю розы. Вот наша речка. Знаете, каких голавлей таскает в Матвеевском омуте внучок Сережка! Вот таких! — голос у старушки был восторженный, она кинула на лист фломастер, развела руки в стороны, показывая размер голавлей. — Жаль, меня с собой не берет. Но мне нельзя ходить на рыбалку.

В голосе не прозвучало и нотки обреченности. Краем глаза Макс увидел, как дочь Екатерины Ивановны молитвенно сложила руки на груди. Хотя больше показалось, что женщина в немой мольбе тянет руки. Ее на время оставили силы, а по щекам текли слезы. Сколько отвратительных эмоций и боли ей досталось.

— Здесь я нарисую траву, Сережкин велосипед и Бобку... — продолжила старушка, тыкая фломастером в лист.

— Я в детстве тоже ловил голавлей. Кто такой Бобка? — спросил Макс.

— Бобка — это наша собака, — удивляясь его непонятливости, терпеливо пояснила старушка. — Он белый с пятнами, любит косточки... У него влажный черный носик. В жару он высовывает язык и дышит. Вот так. Ах-ах-а, — она показала, как дышит незнакомый Макс пес Бобка.

— Бобка, — Макс кивнул головой.

— А Сережка мой внук. Иногда вредина такой...

Она наморщила лоб и опять склонилась над рисунком, словно рисунок был важнее, чем ее болезнь. Какая болтушка. Старики все знают, знают гораздо больше, чем полагают молодые. Мы когда-то были чистыми душой как дети. Только позабыли о чистоте, погрузившись во

взрослую жизнь. Екатерина Ивановна прекрасно почувствовала, что ее расспрашивает человек, испытывающий к ней искреннее расположение. И Макс также ощутил ее усталое, изношенное сердце, за которое ему предстоит бороться. Всепоглощающая госпожа смерть уже занесла косу над старой женщиной. Осталось сделать взмах.

Он внимательно изучил историю болезни. Слишком затянули с приездом в клинику. Екатерина Ивановна должна была попасть к Максиму гораздо раньше. Наверняка, затянули время с получением квоты. Семья Екатерины Ивановны из российской глубинки. «Чинуши!» — невольно выругался тогда Макс.

Женщине не повезло. Сердце изношено годами, и болезней сразу несколько. Все признаки налицо. Восковая бледность кожного покрова и когда она заговорила, он услышал легкую одышку. Жиденькие седые волосы. Пальцы были невероятно тонкими, кожа была почти прозрачной. Желтый фломастер, зажатый в них, рисующий в данный момент солнце, был словно лучик солнца. А белая сорочка и белье постели резко контрастировали с нездоровым цветом лица. Только огромные голубые глаза жадно сияли жаждой жизни.

— Что вы любите больше всего на свете? — спросил он.

— Внуков!

Екатерина Ивановна рисовала и рисовала. Пожала плечами. Какие молодые непонятливые! Макс и Екатерина Ивановна еще немного поговорили о житейских разностях и расстались большими друзьями.

— Макс, — дочь Екатерины Ивановны Вера шла за ним по коридору клиники и слезы беспрерывно текли по ее щекам. — Я отдам все на свете, лишь бы она жила.

— Я тоже, — кардиолог остановился. — Я тоже... Сделаю все, что в моих силах.

— Спасите ее, — у дочери почти не осталось сил, и эти слова она прошептала.

— Я постараюсь, — ответил Макс прежде, чем его накрыло видение.

* * *

Оно было вторым по счету и слишком ярким. Он второй раз встретился с необъяснимыми явлениями. Длилось видение наверняка миг, но он словно снова прожил полжизни.....

* * *

Чудесное летнее утро Казахского ханства было наполнено залиvistым щебетом зырянок и зеленушек. Ведро, погода без дождей, стояли на берегу Иртыша целых две недели. Никто не знал, когда кончится пылающая изнуряющая жара. Данила стоял по колено в густой траве, которая в этом году уродилась на славу благодаря частым дождям в начале лета. С запасами сена в этом году проблем не будет.

Данила оглянулся. За спиной стоял крепкий деревенский дом под тростниковой крышей, который он сам построил пять лет назад из сосны. По обе стороны от него, на небольшом пригорке вдоль берега реки, были разбросаны усадьбы соседей. Глиняная труба выпускала тонкие нити дыма, и в доме пахло кислой закваской. Значит, жена будет печь хлеб. Корова Искорка и очень норовистый бык Иор, с которым Данила вспахал немало земли, приветствовали еще прохладное утро сердечным протяжным мычанием. В загоне, сплетенном из гибкой лозы, терпеливо ждали выпуска на волю черные киргизские овцы. Данила открыл плетеную калитку, и они высыпали одна за другой с ленивым блеянием.

Данила имел шапку темных волос и широко посаженные глаза. Высокий, жилистый, с сильными руками, на которых вздулись толстые вены. С рыбацкими снастями на плече он вышел из низкой тростниковой пристройки, чтобы пройти несколько сажень к реке и бросить их в остроносую лодку, ждавшую на берегу. Он накинул длинный чекмень из грубой жесткой ткани. Дно Иртыша почти везде было песчаным, что очень удобно для спуска лодки. Новые сети, купленные за большие деньги, на китайские монеты, на которые они копили целый долгий год, были из очень крепкой нити и ни разу его не подводили.

Первозданный ландшафт вдоль русла огромной спокойной реки великолепен. Туманная дымка, заслонившая на время ровные ряды огромных пушистых сосен, сплошным слоем покрывавших прибрежные сопки, обещала скоро рассеяться, обнажив еще большую красоту родных просторов. Он не мог надышаться воздухом и стоял на своей земле, свободный и шальной от ее величия. Данила встряхнул от удовольствия головой. Он был счастлив.

Рыбак обернулся лицом к дому, прижал руки к губам и громко крикнул.

— Мария! Мария!

В утренней тишине она его услышит. Из дома вышла жена. Красивая и стройная. Он любил и обожал ее. Мария была одета в синий сарафан из дорогого сукна, под ним белая домо-тканая рубаха с длинными рукавами. Из-под сарафана были видны лапти с онучами, перетянутые тонким лыковым ремешком. Его хозяйшка, так он называл гордую благочестивую Марию. Когда до него осталось немного, она побежала, крепко обняла и прижалась лицом к его чекмену, к мускулистой груди.

— Мария! — он благодарно гладил ее по длинным волосам.

— Соколик мой! Данила! — она еще крепче прижалась к нему, подняла подбородок и подставила для поцелуя красные, как сок земляники, губы.

Он бережно целовал ее несколько минут. Любовь не умирала их порывы. Напротив, с каждым часом распалая их священным огнем. Природа и мир замерли, они вдвоем их остановили. Только слышен был шелест летнего ветра, играющего с листьями и травой.

Он был на родной земле в Средней Азии, в Казахском ханстве. Давным-давно русские поселенцы осели здесь на берегу Иртыша, придя сюда по воде с его истока. Скоро в чистом лазурном небе засветит неутомимое солнце, заливая полуденным жаром небольшое поселение Заикон. Он снял с головы плоскую казахскую тюбетейку, опустился на колени на дно старой лодки и обтер шею и грудь прохладной водой летнего Иртыша. Пальцами нащупал на шее крестик, мягко сжал его в кулаке и прошептал.

— Спаси нас, Господи и сохрани! Благодарю тебя за все...

Данила вырос и жил здесь в Казахском ханстве в маленьком поселении. Уже прокатилась волна безумного насилия по восточным землям ханства. Джунгары, по словам беглых казахов, убили многих мирных жителей. А еще больше мужчин и женщин увели в полон. Жена вздрагивала от зловещих рассказов и подавала дрожащими руками, бросившим свои оседлые места гостям, грубые глиняные пиалы с чаем. Потом отходила и тайно ото всех крестилась и горячо читала молитвы, чтобы джунгары вновь не прошли каленым железом по Казахскому ханству, лишая жизни детей и стариков...

* * *

Сознание Макса покинуло Среднюю Азию, пронеслось огнедышащей кометой сквозь метеоритные дожди и вернулось в клинику. Начало и конец видения были очень неприятными по ощущениям, тело словно пронзало иголками. Он стоял ошарашенный, глядя невидящими глазами на дочь больной старушки. Старушки, стоящей на пороге смерти. Женщина была явно напугана его поведением и на секунду отсутствующим на земле взглядом.

— Вам нехорошо? — только и смогла вымолвить она.

— Я очень постараюсь помочь Екатерине Ивановне, — повторил он, поспешно попрощался и удалился в свой кабинет.

Макс был потрясен ни на шутку. Если бы он рассказал несчастной женщине о нахлынувшем, как летняя гроза видении, стала бы она спокойнее? Нет. Дочь Екатерины Ивановны и без того посмотрела на него, как на сумасшедшего. А она ждет помощи, жизнь ее матери скоро будет в его руках. Любому человеку расскажи о таком ярком видении, он отпрянет от Макса как от проказы! Может быть, он сходит с ума?

Лечение Екатерины Ивановны действовало. Измученная долгой болезнью старушка уже вставала. И двигалась, осторожно пробуя восстановленные силы на прочность, медленно

прохаживаясь по коридору второго этажа и обратно. Дождется ли она летом внука с рыбалки? Наверняка дождется. Макс отоспался и справился с приступом хронической усталости. Он, наконец, смог пойти в отпуск на две недели. Пустота, образовавшаяся в нем после расставания с Леной, стала понемногу заполняться ощущениями прожитого дня. Но горечь расставания еще преследовала его...

* * *

Он решил куда-нибудь поехать, непременно, и в тот же вечер телевизор не оставил Макс у выбора. Сюжет новостей сразу привлек его внимание, и он решил уехать как можно дальше от кардиологии, от несложившихся романов и от медленно копившегося мрака, овладевшего им, хотя бы на пару недель. Корреспондент сообщал: «На Синайском полуострове в Египте находится гора Моисея и древний монастырь Святой Екатерины, где, по преданию, Бог вручил Моисею скрижали с Десятью заповедями. А там, за стенами монастыря, до сих пор растет Святая Неопалимая Купина, колючий кустарник *Rubus sanctus*, из которого Бог говорил с Моисеем. Говорят, что даже один его листок несет великое исцеление и духовное благословение, и паломникам удавалось взять несколько листьев и с величайшей осторожностью спрятать их.»

Услышанного было достаточно. Он устал от чопорности и спеси некоторых коллег и от людского равнодушия...

* * *

Мэри с утра была в приподнятом настроении. Оттого, что выходной и хороший сон при-
снился, оттого, что горячий крепкий кофе после сна заставил бурлить молодую кровь. Она была молода и вроде бы счастлива. Она была стройной и красивой, с темными волосами и большими карими глазами. Она гордо несла голову и часто ловила на себе мужские взгляды. Она улыбнулась от удовольствия. И ей было всего двадцать восемь.

Открыв частную психологическую практику, она поняла, сколько в мире душевно надломленных людей. Страшно заглядывать внутрь людей. Исповеди внешне вполне нормальных людей сначала ужаснули ее; лишь потом она стала равнодушнее. И она сделала необычайное открытие: всё, что мы делаем, это ранить друг друга. Мы ни разу не заботимся друг о друге, не защищаем, не помогаем в трудный час; мы топчем друг друга, карабкаясь по чужим костям, ради денег, власти, карьеры. Она не смирилась, нет. Но прежнего восторга от профессии уже не было.

* * *

В материальном плане девушка жила припеваючи. Ее не связывали родительские запреты, которые надоели в школьные и студенческие годы. Как только появились первые заработки, она оформила в ипотеку роскошную и большую квартиру на юго-западе города. С удовольствием провела новоселье. Скорбь от погибших в автокатастрофе родителях, которым она так и не успела вернуть долг, сменилась грустью.

Она услышала звонок в дверь.

— Кто бы это мог быть? — удивилась она.

Было слишком рано для визитов. Она двинула босые ноги в тапочки. На пороге стояла Маринка, ее давняя подруга, дружба с которой началась еще на медфаке. Потом Мэри выбрала психологию, Марина стала детским педиатром. И скоро для обеих началась трудовая деятельность, которая на некоторое время раскидала их по сторонам, а потом снова сблизила, когда они обнаружили, что работают совсем рядышком друг от друга.

— Привет!

Маринка переступила порог и потянулась губами к щеке Мэри.

— Привет, — Мэри в очередной раз постаралась скрыть недовольство из-за Маринкиной привычки лезть с утра с поцелуями.

Маринка привычным маршрутом, обойдя хозяйку, быстрым шагом направилась на кухню.

— Кофе горячий! — крикнула Мэри в спину подруги и вздохнула.

* * *

Маринка с обычной прямоотой не упускала случая подколоть Мэри насчет Павла. Он и правда был сух и сдержан даже с Мэри, и к тому же напыщен. Он носил костюм даже в выходные, и его «Лексус» всегда сиял чистотой; она была уверена: если бы он забрызгал его грязью в тот самый день, когда она побледнеет и срочно понадобится помощь, он сначала поехал бы на автомойку, а уже потом к ней.

Они познакомились на закрытой вечеринке, где бывали известные общественные деятели. Мэри села в углу, чтобы никому не мешать, а Павел, блестящий, как только что отчеканенный рубль,сел рядом. Он был юристом, довольно известным в определенных кругах, и весь вечер рассказывал о судах и людях, причастных к ним, о том, что никогда, ни в одну эпоху, не интересовало женщин. Она ни разу не засмеялась. Но у него был знакомый, которому требовался деликатный психолог, и он записал ее данные, ушел и забыл поблагодарить за вечер.

* * *

Клиент приехал инкогнито, в простой серой одежде, но Мэри сразу его узнала: известный артист, в котором жил настоящий ад, не дававший покоя ни ему, ни окружающим. Она боролась с ним довольно долго и зловещих навязчивых состояний до конца не излечила, но снизила и частоту, и силу.

Вполне довольный клиент распространил молву о методах Мэри в известных кругах, и через год о ней сняли документальный фильм, показанный на одном из центральных каналов. Нынешним благополучием она была обязана Павлу.

* * *

Дело быстро шло к свадьбе. Павел много раз подходил к этой теме, но так и не решился сказать прямо. Скучно ли с ним? Она просто привыкла. Мальчик, которого она любила на втором курсе университета, подвел ее, и в мужчинах она стала видеть не стремление к великим делам, а мягкость, возвращенную комфортом, хорошей едой и дорогими напитками. Она скорее вышла бы за сухого, но надежного Павла, чем связала судьбу с каким-нибудь избалованным любимчиком или беспечным бездельником, а таких хватало.

* * *

Но Марина не перестала дразнить лучшую подругу.

— Интересно, знает ли этот романтик наоборот Пашка хоть что-нибудь о любви?

Подруга не скрывала презрения к Павлу. Он тоже ее недолюбливал, хотя ни разу и не признался в антипатии.

— Не обзывай его, — попросила Мэри и поморщилась, недовольная тем, что сказать эти слова заставило не желание защитить жениха, а просто, что так положено говорить в таких случаях.

Утреннее отличное настроение улетучилось как дым костра в осеннем поле, когда догорает стерня в ясный день.

— Глупенькая ты, — Маринка вдруг подошла к подруге и обняла ее. — Не выходи за него. Тошно станет. Вот он уж точно тебе не подходит.

И от слов подруги заныло сердце. Маринка словно знала. Примерно через неделю с Павлом Мэри неспешно шла по вечерней аллее парка. Она еле уговорила его прогуляться, и когда тот стал отказываться, Мэри прямо сказала, что тогда пойдет одна. Стоял ясный осенний вечер. На аллее не было ни одного человека, а ярко светящиеся в небе звезды обещали звездопадом сорваться вниз. Молодые люди молчали и просто ступали на дорожку, уже усыпанную желтыми листьями.

Навстречу с конца аллеи четыре фигуры медленно шли к Мэри и Павлу. Скоро они почти поравнялись. Обыкновенные молодые и смеющиеся люди. Они смеялись слишком громко.

Мэри с горечью отметила, что нравы во времена ее юности были чище. Павел и Мэри остановились на миг, чтобы молодежь могла обойти их. Они уже прошли, как вдруг услышали слова.

* * *

Шпана все больше наглена. Павел вдруг полез в карман дорогого пальто и вспомнил, что не курит и никогда не курил. Четверо молодых людей с любопытством подошли к мужчине и женщине. Павел почему-то молчал.

* * *

Павел продолжал упорно молчать. В Мэри мелькнула мысль, что он просто ищет положение для отпора, раз так упорно не желает отвечать, чтобы те, видя его беспомощность, не обнаглели еще более. Павел спортивный мужик и регулярно посещал тренажерный зал, где по его рассказам отрабатывал технику ударов.

* * *

Мэри была напугана. Одно дело слышать о таких диких случаях, а другое встретиться лицом к лицу. Мало ли что можно ждать от обнаглевшей от безнаказанности уличной шпаны, с которой боролись, но она так и осталась хозяйничать на улицах. Просто стала осторожней, но использовала всякий удобный случай. Но еще больший испуг ею овладел от беспомощности Павла, который упорно не хотел выходить из ступора. Теперь она была уверена на сто процентов, что им овладел психологический шок. Он сильно испугался, как ни горько признать это.

— Деньги есть? — спросил вступающий в этот ужасный спектакль высокий парень и протянул руку.

Павел лихорадочно зашарил во внутреннем кармане пальто и торопливо вытащил бумажник, словно боялся куда-то опоздать. Сколько презрения было в глазах молодых хулиганов. Дрожащими руками он раскрыл портмоне, и высокий вдруг вырвал его, вытянул пачку купюр на свет, забрал всю наличность и вернул бумажник. «На, старик!»

* * *

Когда молодые люди поспешно удалились, на Павла стало тошно смотреть. Он не мог справиться с оглушающим позором и, решившая наградить спутника плохими словами Мэри, предпочла заткнуться. Плечи поникли, он, будто уменьшился в размерах.

— Пойдем, Паш, — Мэри первый раз в жизни назвала его сокращенным именем. Она взяла кавалера за руку и повела его в сторону своего дома. — Ты правильно сделал, что не стал сопротивляться. Это разумно. Их четверо, а ты один. Шансов не было. Не было шансов. Они были настроены очень агрессивно. А подростки, знаешь... мало ли что у них в карманах. Ножи, а может пистолет...

Мэри понимала, что горюдит очевидную чушь, но и она была сильно напугана. Ей нужно было что-то говорить, пока она вела беспомощного как ребенок, словно оплеванного Павла к своему дому.

— Прекрати, — это были единственные слова Павла, который высвободил руку. Он скорее молил ее замолчать.

Мэри исполнила его мольбу. Они, молча, дошли до парковки. Павел, не глядя на нее и не прощаясь, сел в машину, захлопнул дверь и оставил ее в одиночестве. И так все было понятно. Они оба знали, что это конец. Машина тронулась.

— Сколько хорошего мы убиваем страхами, — прошептала Мэри ей вслед.

Ей было противно. Не от себя, нет. Нет ничего противней, чем смотреть на мужскую трусость. Веяло позором от Павла, который и сам себе ненавистен. Он, наверное, устало смотрит в лобовое стекло, находясь не на дороге, а где-то там возле Понтия Пилата, который с горечью и тоской произносит самые страшные слова на свете: «Трусость, несомненно, один из самых страшных пороков! Нет! Трусость — это самый страшный порок!» Так тоскливо думала Мэри, глядя на ярко горящие фонари. И слезы одиночества и тоски потекли по ее щекам. Она словно

прикоснулась к чему-то мерзкому, чего не заслуживала. Хотелось плакать и плакать. И презирала она не уличную шпану, а презирала Павла.

* * *

— Мы ничего еще не знаем о себе. И снова Синайские горы, — с острой тоской в груди сказала себе Мэри.

Она села за компьютер, немедленно забронировала номер в отеле Catherine Plaza Hotel и купила билет на самолет. Она всегда первым попавшимся рейсом летела в свое тайное ото всех место, чтобы сбросить усталость и вновь обрести свободу. Очиститься и зарядиться позитивной энергией, которую ей дарила первозданная чистота карамельных гор, чтобы снова воскресшей птицей, окрыленной и сильной вернуться в рутину.

Мэри удивилась. Вроде от расставания с дорогим тебе человеком ты должен страдать. Страдать хотелось, но не страдалось. Сожаления от расставания с Павлом она не испытала.

* * *

Макс прилетел в Египет вечером. В самолете собралась спокойная публика, и Макс подумал, что это паломники, которые подобно ему летят поклониться святым местам. Через два ряда впереди него сидела красивая молодая женщина с темными волосами, которые пытались скрыться под эффектно завязанной оранжевой косынкой. Он видел ее раньше. Или нет? Интересно, с какими она мыслями летит в Египет? Слишком красива и недоступна такая женщина. Наверняка у нее есть множество поклонников, которые готовы дарить ей дорогие подарки. Может, певица. Может известная, а может не очень. Макс не очень-то жаловал российскую эстраду, превратившуюся в рассадник самых отвратительных слухов. Вспомнив Лену, он испытал желание ни разу в жизни ее не встретить.

Он заселился в отель и крепко проспал всю ночь. К тому, что он устал от перелета и всегда ненавидел дорогу, добавилось желание выкинуть мысли из головы о больных, о Лене, о войнах на земле. Уже утром он удивился, насколько быстро удалось уснуть. Он встал, умылся и подошел к окну второго этажа. Его взору открылся замечательный вид, он зажмурился от удовольствия. Он считал свой труд самым благородным на земле и давал клятву Гиппократу. Борьба за человеческие жизни заставляла забывать о красоте природы. Посетила мысль, которая удивила его. Если бы не случилось видения в такси, видения в клинике, то он бы не смотрел на очаровательный пейзаж, который заставил его вдохнуть воздух Египта полной грудью.

Макс искренне верил, что он не единственный, кто переживает такие яркие видения. Он верил, что люди не просто переживали такое, а совершали настоящие прыжки во времени. Он читал «Таис Афинскую» Ефремова и «Мастера и Маргариту» Булгакова и почувствовал, будто собственным сердцем, что авторы своими глазами видели события, описанные позже на страницах. Всё это каким-то образом было связано одной священной нитью. Голова шла кругом.

* * *

Макс понимал, что запутался. Запутался давно. У него было все. Кроме любви.

* * *

Макс ни разу не опускался до интриг, правивших в коллективе. Доктор Швецов пользовался особым расположением администрации; по сомнительным заслугам он выбил себе должность заведующего отделением, и лишь мастерство Макса в работе спасало Швецова от увольнения, о возможности которого тот не раз намекал.

Прозрачная голубая вода круглого бассейна внутри гостиничного комплекса играла мелкой рябью с яркими лучами солнца. Ветки пальмы слева приветственно помахивали опахалами. Впереди, недалеко от отеля, открывался завораживающий вид на горы. Сознание близости священных мест придавало всему окружающему особую трепетность, будто он мог что-то нарушить, если будет неосторожен с мыслями и чувствами. Ведь человек должен побаиваться своих желаний. Отель ему понравился. Не огромное здание, где вечно снует персонал и отды-

хающие, а уютная территория с небольшими двухэтажными домами с номерами, где царят покой и уют, где нет крика и гама праздно веселящегося народа говорящего на разных языках.

* * *

— Что толку утром брать гида? Поднимусь один, — пробормотал Макс и еще раз проверил электрический фонарь.

Неслучайно он здесь оказался, когда жизнь дала трещину. Он так устал от людской подлости, зависти, жадности и тех пороков, которые, в конечном счете, губят душу. Когда он завершил подъем, было еще темно, и он хорошенько отдышался, чтобы восстановить легкие. Он думал, будет тяжелее и был доволен, что справился. Но долгое восхождение утомило. В предзакатном сумраке видимость заметно ухудшилась. Положив рюкзак на камни, Макс удобно приложил к нему голову и незаметно для себя провалился. Ночью он несколько раз просыпался, закутывался в плед и снова засыпал.

Он вдруг открыл глаза, увидел предрассветные сумерки и почувствовал прохладное дуновение ветра. Первой мелькнувшей мыслью была: «Я в раю?» Он вскочил на ноги, схватил фотоаппарат в руки и побежал к краю горы, где уже другие паломники щелкали затворами камер, наслаждаясь видом карамельных гор. Много было местной речи.

Стоило приехать. Сто тысяч раз стоило! Он был поражен, восхищен, ослеплен величием и истинностью веры. Когда появились первые лучи рассвета, озарившие карамельные синайские горы и многолетние деревья олив, Макса охватила благодать. Это было ни с чем несравнимое чувство. Его можно назвать — чистота. Синайская гора — это один из оплотов веры, веры в бога и жизнь, веры во все хорошее, что только может сотворить человек за время жизни, веры в любовь и процветание, веры в отрицание того, что называется злом и его неприятие, и борьбу с ним. Все сплелось в одной точке, словно облака, лежащие перед Максом, и гора и камни состояли из странной материи и облака были твердыми, а камни наоборот.

В один из моментов он сделал снимок и, отведя камеру в сторону, присмотрелся. Он увидел в объектив странное явление. Словно ангел небесный с неоновыми крылышками на миг завис над облаком. Макс встряхнул головой и видение исчезло. Он продолжил снимать. Он не переставал делать снимки, как непреодолимая сила заставила повернуть голову. Яркая стильная девушка, на которую он обратил внимание в самолете, держалась за открытую дверцу старинной часовни, которая стояла на вершине горы Моисея. Она вдруг прислонилась к дверце головой и из ее глаз лились слезы. Макс подошел очень быстро. Он один заметил, как она заплакала. Другие туристы были заняты прелестями рассвета.

— Вам помочь? Вам плохо?

Она словно не видела его. Она сейчас ничего не видела.

— Я только родилась. Куда я попала? Где я?

— Я врач, — ответил Макс, пытаясь сообразить, как лучше помочь женщине в данных условиях, когда она очевидно бредит. — Я врач и помогу Вам.

Он был немного огорчен, что была прервана чудесная часть его жизни, однако, выбора не было. Ей нужна его помощь. Макс сбегал к месту своего ночлега, быстро расстелил принесенный плед, усадил на него несчастную, прислонив спиной к двери, и придал женщине устойчивое положение. Открыв бутылку с водой, он протянул ее женщине.

— Выпейте воды, это сейчас Вам нужно. Вам полегчает. Что с Вами случилось?

Она сделала глоточек и тихо прошептала, так что он едва смог расслышать ее слова. Они поразили его.

— Они сказали, что еще рано... и вернули меня сюда...

— Кто они? — спросил Макс, но она ничего не ответила.

То, что она пробормотала, сначала навело его на мысль, что с ней случилось вроде эпилептического припадка, чтобы молоть такую чушь. Хотя привести ее в чувство — это долг врача. Быть может, с ней здесь родственники или друзья, чтобы взять заботу о ней на себя. Но

сразу подточила мысль. Он с удовольствием справится сам с приступом пока неизвестной ему болезни. Потихоньку она отдышалась, на ее щеки вернулся румянец.

— Мне лучше, — призналась она с явным облегчением.

— Так кто они? — повторил Макс. — Кто Вас откуда-то вернул сюда?

— Мне просто привиделось, — она посмотрела Макс в глаза и еще более смутилась.

Макс пожалел ее, перевел тему, спросив ее имя и в ответ также представившись. Возвращались в отель вместе. Налюбовавшись чудесными видами, они посетили монастырь Святой Екатерины. Из деликатности Макс не возвращался к случаю у старой часовни. Она была слишком прекрасна, чтобы чувствовать себя спокойно с мужчиной в первый день, но с Максом ей было легко. С Мэри было так, будто он знал ее сто лет. К тому же он убедился, что она вполне здорова.

Она подняла к нему глаза

— Мы словно очистились душами. Правда?

— Говорят, что так, — согласился Макс. — Хотелось бы в это верить.

— Вы простите, что мне стало плохо... там, на вершине...

— С каждым может быть. У Вас такого раньше не было?

— Нет. Самое удивительное, что я сама психолог.

— Гм... И психологи тоже обыкновенные люди. Правда?

— Даже больше чем обыкновенные, — не стала спорить Мэри и улыбнулась. — Интересно, почему наверх приходится преодолевать ровно семьсот двадцать ступеней? Почему именно такое количество?

— Не знаю, ответа нет. Знаю только, что называли монашеской лестницей...

— А с тобой, простите,... с Вами на вершине не произошло нечто странного?

— Встреча с такой красивой женщиной для кардиолога уже событие из ряда вон, — Макс также улыбнулся. — Нечто странного я не заметил.

Он был хорошо проучен Еленой, чтобы сразу признаться, что видел ангелка над облаками. И предположил, что взволнованный впечатлениями от горы Моисея, просто нарисовал его воображением.

— Спасибо, — Мэри был приятен вовремя сказанный комплимент. Но еще приятнее было то, что его преподнес благовоспитанный и доброжелательный мужчина. Она захлопала в ладоши. — А я везучая! Только стало мне плохо в чужой стране, как и даже в Египте я встретила врача. А кто Вы по специальности?

— Я чиню головы, — улыбнулся Макс.

— Меня можно вылечить? — пошутила Мэри и вдруг грустно улыбнулась.

— Я бы взялся, — совершенно серьезно произнес молодой человек без тени улыбки.

Глава 3

Наблюдатели: кто они?

Если видения, происшедшие с Максом, изрядно потрясли его, то последующие события заставили задуматься, не созрел ли он для зоны долгих и беспросветных сумерек, чтобы никогда из них не выбраться.

Макс и Мэри вышли из придорожного кафе расположенного возле подножия и стали думать, как добраться до отеля. У девушки был номер в том же отеле, что было весьма удачным совпадением. Пришлось добираться автостопом и скоро они тряслись в маленьком автобусе, не успев зажариться на уже вовсю палящем солнце. После посещения святых мест действительно чувствовалась одухотворенность.

— Как хорошо, что мы оказались в одном отеле, — сказала Мэри.

— Мне как раз нужна консультация, — улыбнулся Макс с небольшим оттенком грусти. — Порой и мне кажется, что я псих.

— Весь мир полон психов, — сказала девушка и подумала, что она несколько не согрешила против истины.

— Да уж, — согласился Макс. — Мы все часто делаем необдуманные поступки... Знаете, Мэри, перейдем на «ты»?

— Давайте. Я тоже против официоза...

— Знаешь, Мэри, — признался Макс и посмотрел в ее карие глаза. — Я случайно оказался здесь. Я кардиолог, — он назвал ей свою клинику, и она кивнула, показывая, что та ей знакома. — Работаю в основном с сердечными больными, пожилыми и не только. Работа кропотливая и тебе знакома, раз ты врачуешь человеческие души. Ты лекарь душевных ран, я же лечу самое главное в человеке, сердце. Это довольно скучно, если глубже говорить о процессе. Много страданий. И не всегда удается. Но когда лечение ставит человека в ряды счастливых, благодарные глаза о многом скажут.

— Ты ранимый человек...

— Излишне для кардиолога, мне это мешает. Я не страдаю отсутствием хладнокровия, но мне приходится отключать сострадание, как часть, мешающую решению. Но опять же не всегда удается. И теряются драгоценные секунды...

Мэри в свою очередь поведала о том, сколько сумасшедших среди знаменитостей, сколько их фобий и маний психолог скрывает в себе. Сколько она скрывает от общества, не омрачая имидж клиентов в глазах обывателей.

— Ты работаешь со знаменитостями?

— Ох уж, этот прославленный бомонд. Вот где сумасшедшие! — вздохнула она неприговорно. — Эти тусовки! Томные взгляды! Много, очень много лжи. Тонны. Тебе улыбаются в глаза, но врут безбожно, на чем свет стоит! Ложь не делает людей лучше. А в этой среде...

Она беспомощно махнула рукой. Мэри не уточнила, что она сама вырвалась из этой среды. Психолог поневоле втягивалась с каждым днем все больше, но все больше эта среда утомляла пустотой. Мэри сделала в воздухе неопределенный жест рукой. Макс почувствовал к девушке большое расположение. Отчего-то ойкало в груди. Он был довольно честным человеком, лгал лишь тогда, когда надо было прикрыть от злопыхателей человека, которого он считал долгом прикрыть. Макс верил людям, верил в людей. Хотя Лена научила его многому, и поэтому он решил быть осторожней. Вспомнив об ангелке на Синайской горе, он решил пока не распространяться с едва знакомой девушкой о вещах, которые неподвластны рациональному объяснению.

— Ты одна здесь? — спросил Макс, пытаясь скрыть волнение.

Он не питал особых надежд. Такая красавица не может быть одна. Какова же была его радость, когда она ответила.

— Одна... Я всегда одна. В высшем свете, как это называется, ты в полной мере познаешь, что такое одиночество. И там я тоже одна, — она махнула рукой в сторону горизонта, где по ее мнению, находилась Россия. От нее не ускользнуло, что его глаза загорелись еще больше.

— Пойдешь купаться, когда приедем?

— С удовольствием, — улыбнулась Мэри. — Пару часов дашь поспать?

— Да можно выспаться по полной. Времени до вечера полно...

Макс проводил Мэри до ее номера и удалился. Спал крепко, пока его не поднял будильник. В окно он с удовольствием увидел Мэри, поджидающую его возле бассейна. Вокруг них расплескалось настоящее волшебство, по-прежнему на расстоянии возвышались коричневые Синайские горы, по небу проплывали редкие перистые облака, а роскошный бассейн манил прозрачной синевой. Перед ними было все, чтобы испытать блаженство, предвкушая приятную встречу с человеком, который вдруг в одночасье стал небезразличен.

Молодые люди, наслаждаясь прохладой воды, заряженные беспечностью и задором, весело провели время. Шутки и смех сопровождали купание. В один из моментов, когда они

барахтались в воде, зайдя в нее по грудь, Макс поднял смеющуюся Мэри на руки и замер. Снова замерли время и пространство, остановились часы и ветер равнины замер, когда Макс посмотрел в ее карие глаза. И только в них двоих бушевала буря. Мужчина когда-то смотрел в эти глаза, он не первый раз чувствовал биение ее сердца. Это было что-то невероятное. Перед Максом были ее красные чуть приоткрытые губы. Он нежно поцеловал их и бережно опустил Мэри. Она положила ему руки на плечи, и это тоже было когда-то в веках прошедших. Влюбленные целовались когда-то давным-давно.

Вечером молодые люди ощущали, что говорили сердцами без слов. В ресторане Макс с удовольствием ухаживал за Мэри. Он с удовольствием думал, что недаром яркие видения заставили умчаться на край света. Он был счастлив оттого, что она принимала его знаки внимания с благодарностью и была непринужденна и весела.

С момента их знакомства Макс ни разу не вспомнил о Елене, от которой только сейчас окончательно освободился. И будто не было ее в его жизни. Мэри ни разу не вспомнила о Павле.

Тот вечер в отеле, где судьба свела их вместе, навсегда останется среди самых приятных воспоминаний их жизней. Каждый человек хранит в кладовой памяти осколки жизни, которые помогли сделать выбор, к добру или к худу. Бывают воспоминания большой нежности, как то, где Макс лежит на спине в зеленом бабушкином поле в деревне и смотрит на облака, рождавшие в воображении миллионы образов. Из облаков можно нарисовать вечность.

* * *

Он вырос скромным мальчиком, пока скромностью не стали пользоваться одноклассники. В тринадцать лет дети часто жестоки. Это Макс хорошо прочувствовал на своей шкуре. Он записался в секцию бокса недалеко от дома, специально, чтобы его не засмеяли в школе и потихоньку стал тренироваться. Но себя никак не проявлял и в школе об этом никому не говорил. Известный задира Антон. Как же доставалось тем, кто был слабее и не мог дать отпор. Макс поморщился, вспомнив издевательства и унижения, которым хулиган подверг Макса. Пока чаша терпения не переполнилась.

— Ну-ка, подними, глупый Макс, — Антон указал на шапку девочки, которую сам сбил с нее, перевалив вину на безвинного мальчишку. — И извинись!

Девочка очень нравилась Антону, и сейчас весь класс смотрел на то, как Макс безропотно поднимет шапку, протянет девочке и пролепечет нелепые слова.

Антон надоел! Надоел до смерти! И это было слишком.

— Знаешь что! — вдруг упрямо сжал зубы Макс. — Пошел ты! Сам сбил, сам и поднимешь.

Класс оторопел. Никто не мог дерзить хулиганистому сильному Антону. Все застыли в преддверии драки. Драка будет бурной и долгой, никто не посмеет вмешаться, пока Антон колошматит противника. Одноклассники просчитались. Антон готовил удар, но Макс краем глаза отлично видел его хитрость. Ловко увернувшись, он сильно правой ударил Антона в скулу. Тот пошатнулся, но кинулся на Макса снова. Хулиган пока плохо соображал, удар не прошел даром. Правой Макс двинул противнику в то же место, левой добавил и Антон упал. Еще не веря в поражение, Антон встал на ноги и снова кинулся Максу в ноги. Борьба продолжилась в партере. Антон был гораздо крупнее Макса, но выручала ловкость и сила. Макс оказался на Антоне и начал двумя руками избивать задирку, пока тот не запросил пощады.

Как не плевался потом Антон кровавыми слюнями, как не кричал, что ждет Макса впереди, тому было все равно. Мальчик дрожал от счастья и ощущения победы. Одна девочка из класса заметила, как нахмурилось небо, как стало темнее и ей показалось, как что-то очень темное и зловещее в углу класса с яростью запахло в очень длинный плащ, полы которого лежали на полу, вдруг взмыло вверх и в небе ударил сильный гром.

Как хорошо, что в далеком седьмом классе дал отпор задире. Антон многому научил Макса. Где-то он сейчас?

* * *

Антон был лишь первым. Каждый раз таинственный темный наблюдатель словно скрежетал зубами от ярости при бессилии хулиганов, которых натравил на черные дела. Не раз волки были на волосок от победы. Даже когда один из серых псов выхватил холодный острый нож, Макс отбил замах и одним резким ударом отправил противника в глубокий нокаут.

* * *

Вечером Макс просматривал снимки, сделанные им на горе Моисея. И вдруг застыл. Он был изумлен до крайности. Он уже забыл про ангелка над облаками, которого он видел лишь мгновение. Но камера телефона его зафиксировала.

— Со мной что-то происходит. Может я недаром встретил Мэри и она будет моим лечащим от недуга психологом, — произнес он про себя с сарказмом.

Счастливый Макс уже провалился в сон, и был на границе разных миров, как его будто вытащили из сна клешнями.

— Здравствуй, Сынок, — незнакомый голос ясно прозвучал у него в голове.

Макс протер глаза, мгновенно очнулся и сел на кровати, откинув одеяло. Он отчетливо и ясно слышал незнакомый мужской голос. Этого быть не могло, но было.

— Видения! Голоса! Я с ума сошел. Я просто сошел с ума!

Макс обхватил руками голову и, сидя на кровати, закачался из стороны в сторону. Он был изрядно напуган, больше того, он сильно запаниковал. Теперь у него не будет прежней жизни, он почему-то был в этом уверен.

— Успокойся, молодой человек, во имя всего святого. Я напугал тебя.

Макс явно сходил с ума, он вскочил на ноги и помчался в ванную. В ванной он склонился над раковиной и жадно омыл лицо холодной водой. Голос больше не приходил и Макс постепенно, успокоившись, уснул.

Три дня Мэри и Макс занимались приятным ничегонеделанием. Он забыл о ночном происшествии. Они купались, гуляли, наслаждались вкусной едой, много говорили. Жадно доверяя друг другу свою жизнь, рассказывали много смешного. В свою очередь он рассказал ей о Лене. Они с Леной были слишком разные, чтобы остаться вместе.

Они уже без остатка влюбились друг в друга и часто целовались, оставшись наедине. Было счастьем целовать Мэри, а для нее принимать его поцелуи. Макс боялся нарушить чистоту и хрупкость, что встретил в ней. Истинную чистоту настоящей любви, что является самым ценным подарком мужчине свыше. Он уснул счастливым человеком, как засыпает мужчина, встретивший свою любовь и понимающий, что его тоже любят.

...

— Ты не должен бояться голосов. Это реальность, Макс. И ты не сошел с ума...

Макс спросил, хотя не хотел спрашивать. Он хотел, чтобы этого не было.

— Я не сумасшедший?

— Ты не сошел с ума. Напротив, более зрячий, чем другие люди. Поэтому ты слышишь голоса. Люди слепнут от темных желаний, которые потом реализуют в пороках. Недаром ты избранный. Ты чистый человек. Не без греха, но все люди грешны. Очень скоро все поменяется.

— Ты Бог?

— Нет. Ты слишком много о себе мнишь, чтобы встретиться с ним лично.

* * *

Но голос исчез. Далее начиналось еще более удивительное. В эту же ночь. Он стал их видеть. Макс почувствовал всем своим существом чужое присутствие. Он приподнял голову и сказал.

— Это сон, — он хотел закрыть глаза, но они не закрылись.

Скорее это был полусон, словно Макс оказался на грани реальности и пространства, находящегося для других людей вне досягаемости человеческого зрения. В кресле с большим посохом сидел глубокий старец с небольшой белой клинообразной бородой. Он не провалился глубоко в кресло, а сидел на краешке, как бы парил в воздухе и нижняя часть тела не просматривалась, там пространство было как затуманено. Старик был одет в длинную рубаху белого цвета, с расшитого пояса которой свешивались два края с кисточками. Кроме того, фантастичность явления подчеркивал серебристый и невероятно красивый контур вокруг старца. Макс был изрядно напуган, последние события были невероятно загадочны и необъяснимы.

— Вы кто? — спросил Макс.

— Зови меня Наблюдатель, — ответил старец. — (только потом Макс поймет что у Наблюдателей есть еще одна важная Небесная миссия...)

— Я Посланник времени, спутник добрых ветров, исполнитель желаний, если хочешь. Назови меня, как угодно, от этого суть не изменится. Но лучше зови меня Наблюдатель.

— Как ты попал сюда? — удивился Макс. — Ведь дверь закрыта.

— Что такое дверь, Макс? Смотря какая дверь и куда она ведет, не так ли? Для одних двери закрыты и непроходимы. Для других их просто не существует. Всё зависит от того, как ты решишь смотреть на вещи.

Старик был сама мудрость. Это Макс почувствовал преотлично. Но тут его посетила мысль: «А вдруг пришли к нему с нехорошей стороны?» И это все первозданная, как само зло, ложь. Он успел напугаться. Но не успел рта открыть, как старец сказал.

— Ты и сам знаешь, с какой я стороны. Вспомни Византию.

— Ты знаешь об этом! — выдохнул Макс. — Как ты узнал о моих видениях?

— Странно, почему ты называешь победу над Антонием видением.

— Да, это было со мной, я уверен в этом, — согласился Макс.

— Я видел, как ты ловко сделал обманный прием и поразил Антония в живот. Я тогда ни один хлопал в ладоши. Уне есть человеку добра смерть, негли злой живот.

* * *

— Трудно не согласиться. Ты был рядом? Ты сам это видел?

— Не только я. Другие наблюдатели, нас семеро...

— Ты не один. Как тебя зовут?

— Называй меня Симеон.

— Ты главный среди наблюдателей?

— С чего ты взял? Отнюдь. На каждого человека у Бога свои планы и у каждого своя миссия. Я уже знаю, что ты сейчас спросишь?

— Значит, будущее известно?

— И да и нет. Но не пытайся из меня вытянуть то, что ты хочешь вытянуть немедленно. Слишком большая для тебя рыба. Это не на Иртыше рыбачить...

— И на Иртыше ты был...

— Правда, ты был счастлив, когда пил жадными глотками ее любовь?

— О, да...

— Действительно, ничего не властно над любовью. Вы умираете, чтобы встретиться вновь, — Симеон радостно засмеялся и Макс почувствовал благодать в душе. Старик продолжил. — Я всегда был рядом, но не смей использовать. Земного не сведая и небесных пытаеше.

* * *

— Не зная земного, рассуждаешь о небесном. Знай мое положение в иерархии, ты был бы более почтителен. — старик даже не рассердился. — Не торопись, всему свое время. Цикл.

Симеон поднял правую свободную руку, вытянул ладонь, сжал ее в кулак и разогнул обратно.

— Спираль времени, если хочешь.

— Спираль времени, — Макс заворожено повторил за старцем.

Тот, кто назвался наблюдателем, продолжил.

— Постепенно ты привыкнешь к нам. Ты многое узнаешь. Пожалеешь ли ты или нет — решать тебе. А пока думай меньше о греховном, человеку стоит бояться своих желаний. Ох, многие погибли в вечности от этого. Помни об этом.

— Ты ангел, — констатировал мужчина.

— Ну... — протянул старик. — Скорее да, чем нет.

— Ты мало похож на ангела, извини уж за непочтительность. Просто шок...

— Так ли важен образ?

— Я пока не решил, что тебя нужно слушаться, — сказал Макс и замер.

Старца в кресле уже не было.

Господи! Такого не бывает! Никто в мире не умеет читать чужие мысли! А старец знал каждую. Откуда он знает о видении в Византии, когда Стилиан одержал первую победу над Антонином? Первая победа самая важная. Не будь ее, Макс, а вернее, Стилиан не стал бы императором Византии! Он был императором Византии. Что может быть тупее?! Ясно, что старец плод болезни, которая прогрессирует с каждым днем. Откуда старик знает о Византии? Все потому, что это в одной больной голове Макса — Византия, Иртыш, императоры, гладиаторы, Антелла, все это в одной больной голове! Так-так-так! Откуда я знаю такие древние замудренные выражения? — Макс поднял палец вверх. — Где-то читал, и мой жесткий диск записал это навечно, пока я существую.

Но в то же время в нем жило знание — это не бред сивой кобылы. Старец существовал, как существовал Макс. Существовал ангелок над облаками подле горы Моисея, которого зафиксировал снимок камеры. Были и скрылись в прахе времен его братья в Византии, где в Ма-алуа он выстроил назло многим великий храм. Там он любовался цветами вместе со смуглой императрицей Антеллой. Это было. Но кто показал ему такие удивительные кинофильмы, которые крутятся только в его голове?

Можно ли будет рассказать Мэри? Он уже потерял Лену, хотя эта потеря скорее была приобретением нового знания. Кого-то теряя, мы обретаем нового кого-то. Или новое что-то. Мэри надежна, как добрый клинок, если он что-то понимает в жизни. Она занимается психологией, и даже очень удачно занимается, если у нее в клиентах такая изысканная публика. Следом родилось предположение, уж не специально ли посланный психолог Мэри направлен для того, чтобы вести тайное наблюдение? И Египет не что иное, как этап психотерапии, чтобы вылечить его от душевной болезни.

* * *

Нельзя не признать, что ответы старца наполнены мудростью. Он много раз пресек Макса и для него ночная беседа с высоким чином, на что намекнул старик, была полезна со всех сторон. Макс понял что у этого наблюдателя на Макса большие планы, с ним не забалуешь, это Макс чуял всей душой. Как и то, что ночной гость не был врагом. Макс-то думал, что больше у него в жизни не случится воспитателей. Но с Симеоном он чувствовал себя неразумным ребенком, только что родившимся и открывшим на белый свет глаза, старец говорил используя старинные славянские слова и выражения — поэтому это было очень интересно и даже забавно...

* * *

Макс не переставал размышлять. А что я просил у Бога с юности? Сумасшествия точно нет. Как и любой человек, я просил счастья, больше радости. Дал ли мне бог радости, сколько я просил. Если опереться на притчу об Иове, несомненно. Иов был более благочестив, но вопрошал, когда его лишили всего: «За что?» Сердцем чувствуется, что старик на службе у небес, а не у властелина горящих огнем подземелий.

* * *

Через несколько ночей у Макса случился посетитель. В отличие от Симеона он не имел в руках посоха. Но борода, свечение и одеяние были один в один. Макс сумел напугаться меньше. «Привыкаю» — подумал он с неудовольствием, просыпаться не хотелось, хотя от таких посещений люди обычно вскакивают как ошпаренные.

— Меня зовут Петр, — представился старик.

* * *

— Я наблюдатель, — старец склонил голову.

* * *

— Я советую не забивать голову чушью, стараясь отгадать нашу сущность. От гадания на кофейной гуще ничего не поменяется, верно? Кстати, тебе запрещается называть нас дедушками называй нас Наблюдатели или Старшие... Ты всегда в уме произносишь это. Тебе скоро домой.

— Мне и здесь сейчас неплохо, — буркнул Макс. — И кто мне может запретить называть вас дедушками? Вы ими выглядите.

Он поймал себя на мысли, как легко он ввязался в разговор с миражами, если он действительно бредит.

— Еще бы! — улыбнулся Петр снова. — Вселенская вечная любовь. Ты очень счастлив, человек. Ты счастливчик, любознательный Макс.

— Как увязывается, дедушка, свобода выбора с волей небес, с самой судьбой? Этот навязчивый вопрос, который я всегда себе задаю.

— Но ведь увязывается. И опять дедушка, олух царя небесного. Зачем задавать вопрос? Разве задают вопросы люди, когда счастливы наблюдать рассвет, держать на ладони бабочку или всем сердцем любить? Они не задают вопросы — как и почему? Они просто счастливы.

— Да... очень хитрый ответ. Симеон говорил, что я многому научусь.

— Он прав, не торопи. Потороплю я. Тебе пора домой, Макс. Ты и так здесь получил главные ответы...

— Я получил только вопросы. Их бесчисленное количество. Какие главные ответы я получил? Я их не помню.

— Что это все есть, — старик рукой сделал круговой жест рукою, расправив ладонь, показывая на окружающий мир и на себя. — И Мэри...

— Но я даже не успел насладиться...

— Тем не менее, пора.

— Я не поеду домой. В кои-то веки я встретил ту...

Старец не дал договорить.

— Уне есть с умным камень двигнути, неже с безумьем вино пить. А чтобы ты не делал удивленное лицо от старославянской речи, это означает: «Лучше с умным камнем ворочать, чем пить вино с дураком».

— Ясно, — не стал спорить Макс и почесал подбородок.

— Все впереди, Макс. И сражения и любовь. Сынок нужна твоя помощь, большие наши надежды на тебя, готовься... Как тогда в Византии. Да, мы наблюдатели и я не один, как ты понял. За миром, за людьми, за избранными. Тебя не просто так выбрали... выбрали.

— За что же, позвольте узнать?

— Может быть, ты меньше всех оступился в прошлом и был полон добра? — улыбнулся в бороду Петр. — Все как встарь.

— Все-то вы знаете. Чем я простой смертный могу помочь небесным ангелам?

Но старик уже исчез. Также моментально, как и появился. После его исчезновения, Макс тяжело задумался. Не хотелось уезжать с благодатной земли, которая так ласково приняла его и Мэри. Как он объяснит ей? Они запланировали на послезавтрашний день экскурсию в древний как мир Каир, чтобы окунуться в тонкие прелести востока. Как объяснить Мэри, что приказ

сворачивать отдых и отправляться в родные пенаты отдали старцы? Наблюдатели, ангелы, старославянский язык, который он с трудом понимал и нет. В голове все смешалось. Как Макс растолкует любимой девушке, с которой познакомился несколько дней назад, что он избранный? Парень вспомнил, как издевательски смеялась Лена над рассказами о видениях при расставании, и ему стало не по себе. Вдруг Мэри, отлично знакомая с тонкостями человеческой души, немедленно запишет его в свои клиенты.

— Мэри, — начал за завтраком Макс.

— Я внимательно слушаю, — улыбнулась Мэри, отрываясь от чашки кофе.

Ей понравилось чуть насмешливо принимать знаки внимания, которые ей оказывал Макс. Это выглядело естественно и без тени наглости. Она немного кокетничала, но даже кокетством это было нельзя назвать.

— Ты всегда будешь улыбаться?

— Всегда, — ответила Мэри и, прильнув губами к чашке, подняла на него глаза.

Это вышло уморительно, и Макс также не выдержал и улыбнулся. Каждый миг человека, проведенный с истинной любовью, рождает в нем улыбку. Улыбку радости и торжества любви над временем и пространством и над любыми трудностями.

«Мы умираем, чтобы встретиться вновь. Над любовью ничего не властно» — вспомнил Макс слова Симеона. Вслух он сказал Мэри.

— Понимаешь ли, Мэри. Мне трудно сказать тебе это...

Он увидел, как мгновенно омрачилось ее лицо. И заторопился.

— Ничего страшного не случилось. Просто у меня в клинике срочный больной. Мне вчера позвонил мой... гм... коллега, и сообщил о том.

— Ребенок? — спросила Мэри, заставив его густо краснеть.

— Да, — ответил Макс и почувствовал себя подлецом.

— Тогда я полечу вместе с тобой, — сказала серьезно Мэри. — Конечно, тянуть нельзя. Мы здесь не задержимся. Несчастный ребенок. Если требуется твое присутствие, тогда нам срочно надо бронировать билет на самолет. Или ты уже это сделал?

Она не расстроилась из-за срыва экскурсии, Мэри сразу забыла о ней, сострадая незнакомому ребенку. В отличие от Лены, которая оказалась на поверку жестокосердной и равнодушной к чужой боли избалованной особой, которой нужны были только деньги Макса. Она мечтала тратить их на островах.

— Нет, я еще не купил билет, — красный как рак, чувствуя сажу в груди, ответил Макс.

Будь, что будет, решил Макс. Он не мог ей лгать. Начал он, немного заикаясь. Но постепенно рассказал о видениях, и как Лена отнеслась к загадочному эффекту. Он вдруг вспомнил и полез открывать снимки, которые он сделал на Синайской горе перед тем, как через минуту познакомился с ней.

— Это ангелок! — воскликнула Мэри.

— Вот именно! — победно подтвердил Макс.

Следом, торопясь, что ему она не поверит, он рассказал о таинственных ночных гостях, говорящих на старославянском языке и с горечью спросил ее.

— Мне пора в психушку, верно?

— Ты понимаешь, с кем ты столкнулся, ты тоже начал их видеть? Они не просто наблюдатели, они Небесный... — Мэри, вдруг запнулась и замолкла... округлив глаза до крайней степени.

— Ты полагаешь, я не брежу и не созрел для желтого дома?

— Я полагаю, Макс, — девушка положила ладони на его руки. — В психиатрических лечебницах далеко не все сумасшедшие. Ты посмотри на мир. На наш современный мир. Я слышала от родителей много-много раз, как раньше люди умели дружить и любить. Они ценили любовь и дружбу. Что сейчас ценят люди? Плевать им на любовь и дружбу! Сейчас люди ценят

власть и деньги, популярность. Знал бы ты, что порой скрывается за этими соблазнами. Порок на пороке и пороком погоняет. Если бы я рассказала тебе идеи и мысли, которые бродят у людей, которых ты видишь по телевизору, ты не поверишь, насколько это погибшие души. Все губительные пристрастия, которые развращают человека. Господи, когда я слушаю их, я сама становлюсь пустой. Они высасывают из меня все хорошее, все чистое, что ценит нормальный человек. А между тем я уверена, что в психиатрических клиниках есть люди, с которыми случились такие же чудеса, как и с тобой. Но они рассказали их, ни тому и ни там. Какую изобретательность, какую самоотдачу являют люди в нехороших делах. Но они почему-то часто при деньгах и при власти...

Мэри разгорячилась, ее круглые щеки звенели румянцем. Она пролила Максу бальзам на рану, и он в очередной раз подумал, как чувствуют себя по-настоящему влюбленные сердца, что стоит сказать только слово, как вторая половина тебя поддержит. А Мэри высказала давно назревшие его мысли. Как будто говорил он, а не она.

* * *

Они немедленно приобрели два билета на полуденный рейс на завтрашний день, чтобы посвятить день сборам.

— Вечер чудесный, — Мэри одетая в свое лучшее очень дорогое вечернее платье, ослепляла посетителей ресторана красотой.

Макс невольно подумал, что Мэри подошла бы любая одежда. Он был счастлив и встревожен одновременно. Счастлив оттого что рядом его истинная любовь, встревожен по причине того, что ангелы направляли его домой по невысказанной и ему незнакомой причине. Для чего он нужен? Как там выразился Петр. У каждого свое предназначение. Предназначение Макса давно известно, он делает одно из самых благородных дел на свете, он держит в руках человеческие жизни, чтобы вернуть им завтрашний день. Никакого другого предназначения он больше не желает, ему не нужны перемены, кроме как нужда в Мэри. Вот единственная перемена, о которой он мечтал. Он пил ежесекундно ее чистоту.

В самолете Мэри наклонилась к нему и прошептала.

— У меня есть одна мысль. Я очень неплохой специалист в области гипноза и мне бы хотелось подвергнуть гипнозу именно тебя, Макс. Тебе это не повредит, не тревожься,- быстро добавила она.

— Гм... — протянул в раздумье Макс. — Быть может, Мэри. Быть может, поэтому я не совсем умещаюсь в привычный формат человеческих отношений? Я не понимаю, как и ты, низменных поступков и часто испытываю с людьми дискомфорт.

— Ни в этом дело, дорогой. Быть может, ты еще что-то вспомнишь. Я тебе признаюсь. Я тоже боялась, что ты меня примешь за сумасшедшую. Спасибо тебе за отсутствие расспросов. Но когда ты меня встретил возле часовни, у меня также было видение. Три старца...

— Расскажи, — заторопил Макс. Он был обрадован, что поделился с человеком, который испытал также неизведанное. — Давай, Мэри, говори.

— Или мне привиделось, Макс. Или нет? Сначала я пересекла какую-то тонкую грань, я вошла из темноты в комнату с ярким белым светом. Там было три старца, было так светло, что мне трудно было различить их. Я спросила их: «Где я?» Я не была напугана. Но один из них сказал мне: «Мэри, еще рано, еще рано». Я отчетливо помню, что сказали мне. Один из них сделала рукою круг, и я оказалась возле часовни. Я уверена, они вернули меня. Мне даже плохо стало.

— Ты так и сказала мне тогда, Мэри. Но почему ты молчала об этом таинственном происшествии?

— Тебе легко было признаться? Если бы не твое признание, я думала бы, что это игра воображения, волнение от посещения святого места, что угодно, но только не правда. Поэтому

нужен сеанс гипноза. Я уверена, ты вспомнишь. Что-то ценное, что поможет тебе... И мне тоже. Недаром мы оба встретились с такими небывалыми явлениями.

— Мне кажется, мне уже ничего не поможет. От видений, от ночных гостей я медленно, но верно сойду с ума. Ведь такое не уместится в человеческой голове. Бог бо когда хочет показнiti человека, отиметь у него разум. То есть, когда Бог хочет наказать человека, отнимет прежде разум.

Он громко воскликнул: «Вот откуда я это знаю, Мэри?!» Пассажиры стали на них оглядываться и он уже тише, сказал ей, глядя в ее удивленные глаза.

— Я и старославянский не люблю, слишком сложное произношение. Атавизм, так сказать.

— Гм... Отнимет разум. Это и городничий у Гоголя говорил. Ты сам атавизм и самый любопытный клиент, — поцеловала его Мэри, улыбаясь, скрывая от него тревогу. — Но ведь ты не сумасшедший, Макс, это заметно по всему. Если бы ты был сумасшедшим, ты бы забыл обо мне.

— Даже сойдя с ума тысячу раз, Мэри, — серьезно произнес Макс. — Я ни за что не забыл бы о тебе...

Они поцеловались и только потом вспомнили, что они в самолете. Как будто высохшая в засуху земля ждет проливного дождя, как долгая полярная ночь ждет солнышка, как каждая мама молит о счастье ребенку, так жадно ждали любви мужчина и женщина. Ждали через века истинной вселенской любви. Каждое прикосновение друг к другу дарило озаряющую радость, каждый взгляд любимых глаз был ценным подарком. Они упивались счастьем, несмотря ни на что. Они не видели, как в иллюминаторе мелькнуло черное крыло и исчезло.

— Прости меня, любимая Мэри, что я тебя встретил в такой сложный период своей жизни, — Макс не думал скрывать огорчения.

— Я всегда буду тебе поддержкой, — заверила его Мэри и поцеловала в щеку.

Глава 4

Астрал и Я: Золотой Город

Первое воспоминание мелькнуло в памяти Макса, как мелькает быстрокрылая птица всего на миг и снова исчезает из виду. Он пытался поймать, связать секундное видение и восстановить картинку, но оно стало таять и исчезло, как быстро тает снежинка на ладони. Это случилось на смотровой площадке парящего моста в парке «Зарядье», куда его вечером вытаскивала Мэри. Макс был благодарен ей за чудесные мгновенья, когда перед ним открылся с площадки чудесный вид. И в одну секунду, когда Макс смотрел с моста на башни Кремля, пространство перед глазами задрожало, как в кривом зеркале и перед ним сейчас была ни Москва, ни Кремль, а город, который был ему знаком и в то же время он видел его, как будто в первый раз. Но уже через секунду снова перед ним был вид Москвы.

— Что с тобой? — спросила Мэри, заметив его ошолобенное состояние, когда он застыл на секунду.

— Нет, ничего, Мэри. Не беспокойся. Но передо мной вдруг возник на миг другой город.

— Видение?

— Да... Видение...

Успокоившись, Макс рассказал ей о городе-видении. А через пару дней после прогулки на смотровую площадку Мэри в своем шикарно обставленном в стиле фьюжн кабинете погрузила Макса в глубокий гипнотический сон. Он вспоминал.

Мы забываем детские мечты. Мы были когда-то чисты, как родник, бьющий чистой водой и заливающий острые листья травы у оврага. Так же чисты были детские мечты Макса. Мальчик забавлял себя, перед сном, представляя себя героем, спасающим одноклассников из пожара, внезапно вспыхнувшего в школе. Последней он выносил на руках девочку, потеряв-

шую сознание, в тот миг, когда бушующий огонь опалял ему затылок, а он прикрывал ее от пламени собственной спиной. В другой раз он видел, как трое бандитов грабят бедную испуганную женщину в темном переулке. Несмотря на разницу в силе и возрасте, Макс прибегал к обману и внезапности, громко крича на бегу воображаемым взрослым друзьям. Бандиты бросали сумочку и убегали. Только тогда он поднимал ее и протягивал благодарной женщине, плачущей от страха.

* * *

Но по мере взросления его мечтам требовались более широкие горизонты. Он не только мечтал спасать людей, но хотел творить. Всё чаще он улетал на воображаемую планету, которую ласково назвал Илион. На этой планете действовали только его правила, и Макс с абсолютной верой полагал, что они справедливы. Мама часто говорила ему, что справедливость несет в себе милость и благодать, добро и процветание душ.

Свою планету, свой драгоценный мир, Макс засадил огромными садами, благоухающими ярко-красными, синими и белыми цветами в теплое время года. Ветви склонялись низко, отяжеленные сочными плодами, которые счастливые, улыбающиеся илионцы собирали в огромные плетеные корзины. Макс руками своего народа осушил бесчисленные болота и прорыл широкие каналы через прежде безжизненные пустыни. Илион по праву можно было назвать планетой цветов.

Бескрайние стада упитанных коровоподобных существ, которых илионцы называли таланами, давали столько розового молока, что счастливые хозяйки никак не могли выдоить их всех. Реки Илиона текли полноводно, плодородная почва давала богатые урожаи, цвела мирная торговля. В изумрудном небе ярко светило солнце того мира, Рау.

Несколько Лун освещали планету Илиону ласковым светом по ночам, который проникал в добротные жилища илионцев, освещая уютно заснувших в своих кроватках ребятишек. Им не грозили болезни и бедствия, войны и голод. Макс научил илионцев успешно бороться со стихийными бедствиями, которые иногда бывали на планете. Своему миру Макс подарил благоденствие. В нем царила любовь, любовь в этом мире правила всем и всеми.

Он построил огромный золотой дворец в Золотом городе.

Видение начиналось с довольно высокого холма, расположенного перед городом, где на одном из склонов из скальной породы пробился хрустальной струей чистый родник, образуя совсем маленький водопад, орошая внизу сочные зеленые травы и у самого подножия образовав исток прозрачной реки, которую так и называли Прозрачной. В ее водах возле берегов в тихих заводях расцветали янтарные кувшинки и их стебли были видны до самого песчаного дна. Он стоял на вершине холма, а сквозь туманную дымку первозданного утра, сквозь листву высокого лиственного леса, сквозь пение и щебет пестрых заливистых птиц виделся Золотой город. Макс стал спускаться с холма, и высокие сочные травы касались его колен. Он шел навстречу городу. Приближаясь к его высоким и белым стенам, он стал различать гул толпы и звуки привычного быта и ритма города. В кузницах по наковальням стучали молотками искусные кузнецы, точильщики зазывали хозяек, чтобы наточить иступившиеся ножи, торговцы на все голоса зазывали покупателей посмотреть и примерить товар.

Он вошел в гигантскую арку главных высоких ворот города. Казалось еще чуть-чуть, и она подопрет изумрудное небо Илионы. Жители города оторвались от привычных дел, началось глухое перешептывание. Каждый городской житель знал его в лицо и каждый ему поклонился. Перед ним расступались все и каждый, освобождая ему дорогу к дворцу, кланялся ему вслед.

Макс был человеком, который придумал свое счастье и галактику. Свое счастье, но также предназначенное для других.

* * *

Макс с взрослением все больше погружался в водоворот современной жизни, давным-давно закрутивший его семью. Он ходил в детский сад и учился завязывать шнурки на ботинках. Как смешно это выходило у него, когда он отталкивал руки мамы, зашедшей за ним, чтобы завязать самому. Мама терпеливо ждала, как он неумелыми движениями путался и у него не выходил узелок.

— Давай я, — каждый раз предлагала она.

— Я сам. Сам! — он упорно не сдавался, пыхтел и смешно надувал губки.

Рядом с ним всегда кто-то был. Кто-то невидимый. И в тот день в углу раздевалки темнело пятно, но дети и их родители упорно не обращали на пятно внимания. И повернулись на этот угол только тогда, когда на Макса и маму едва не опрокинулся тяжелый шкаф с вещами ребятишек, где у каждого было свое отделение. Или только Макс один видел это зловещее и загадочное пятно? Они бы не успели отбежать, но падение остановил высокий мужчина. Он поймал тяжеленный шкаф и вновь вернул на место.

Мать была в ужасе и тепло поблагодарила мужчину, пришедшего как раз вовремя, чтобы забрать из детского сада собственную дочь. И Макс думал, что навсегда забыл этот фрагмент своей жизни. Но каждое событие записано в памяти и ждет лишь, чтобы его потревожили. Между бесконечными дежурствами передышки не было совсем. Сон дома или часовая дрема на диване в кабинете после пятнадцати часов у постелей больных — вот и весь отдых. Редко удавалось навестить мать, но что мог дать днем и ночью, он отдавал целиком единственному человеку, научившему его многому. Лена не понравилась его матери совсем, едва он прислал ей фотографию.

— Ммм... Очень приятная девушка.словно с картинки журнала.

Мама произнесла дежурные слова, но Макс прекрасно понял, что она хотела сказать о Лене, но не сказала.

Он хотел отправить маме фотографию Мэри, но подумал, что еще рановато посвящать ее в планы относительно девушки, но точно решил, что любимая будет его женой.

* * *

Перед тем как оказаться у Мэри в кабинете на сеансе гипноза, Макса одолевали разные мысли. Если он делает добро, возвращая к жизни хрупких детей, то он созидатель. Грешные мысли посещали и его, он был живой человек из мяса и костей. Плоть порой бунтовала, но работа Макса не давала ей разгуляться.

— Но в чем смысл моего существования? Я буду лечить людей всю жизнь. Не спорю, это каждый раз подвиг, держать чужую жизнь в руках, но я не постигну главного. Я не отвечу на главный вопрос. Зло повсюду. Его так много. Что я сделал, чтобы его стало меньше, если не учитывать работу в клинике? — он поделился мыслями с Мэри, когда они вечером пили чай у Макса в квартире.

— Ты на своем месте, — уверенно ответила Мэри. — Подумать только, ты столько творишь добра, столько даришь людям самого хорошего. Я бы на твоём месте была бы счастлива. Давай поменяемся. Думается, прими ты с десяток психов, ты бы сбежал. Нет, ты на своем месте. Хотя наблюдатели имеют на тебя какие-то другие планы.

— Именно, — сказал Макс. — Интересно, чего они от меня ждут. Пока наблюдатели не появляются. Знаешь, Мэри, мы стали поклонниками теней, заложниками технологий. Молодой человек смотрит на красный закат с любимой девушкой, и вместо того чтобы поцеловать ее, достает из кармана смартфон и фотографирует. Ты не согласна?

— Откуда в тебе такая апатия?

— Это не апатия, а просто... — Макс не договорил.

— Смотри, Макс. Ты только расстался с девушкой, я рассталась с парнем. И мы встретились с тобой на краешке земли, далеко от России в месте, святом для многих вер. Потеряв

ложных людей, мы обрели друг друга, — она встала, обошла кухонный стол и нежно поцеловала Макса в губы.

И снова села на место предовольная. Даже небольшое кокетство у Мэри было особенным и восхитительным. Как всякая женщина, она получала удовольствие, что у нее просит совета такой умный мужчина и прислушивается к ее словам.

— Я люблю тебя, — вдруг признался Макс девушке.

Он увидел, как она сразу ослабла, потом собралась, улыбнулась и ответила, тоже как всякая женщина. Макс это тысячу раз видел по телевизору, как девушки на вечные слова признания, задают этот неизменный вопрос.

— Ты серьезно?

— Ты и сама знаешь, — Макс смотрел в ее красивые карие глаза.

— Знаю, — призналась Мэри и ответила с искренностью, которая также не ускользнула от Макса. — Я тебя тоже люблю. Как будто я знала, что ты появишься. Как будто я уже любила тебя всю жизнь.

— Где наши мысли, там наша душа, там наша любовь...

Макс встал, подошел к Мэри, взял ее за тонкую руку, приглашая встать. Они обнялись и долго целовались под песню Евдокимова «Фантазер».

— Песня тоже не случайна, — засмеялась Мэри и потрепала Макса за волосы. — Какие они у тебя жесткие.

Глаза у нее были удивительно счастливыми, которые могут быть только у влюбленных женщин.

* * *

Макс снова был ребенком. Фрагментом воспоминаний явились первые буквы, которым его обучала мама. Книжка называлась «Котенок Яша» и скоро он знал ее наизусть, восхищая родителей отличной памятью.

Он вдруг вспомнил, как мама тревожно и странно на него смотрела. Отчего у нее такие испуганные глаза? Вот отчего. Она боится Макса. Вдруг нахлынули воспоминания обо всех странностях, что происходили в детстве. Макс не помнил о странностях все время, родители же никогда не рассказывали о них.

Ребенок стоял за стеной, но слышал каждое слово, что говорила мать отцу. Отец пять дней не был дома, он был в командировке и только вернулся.

— Виктор, я ума не приложу, что делать с Максом. Если так дело дальше пойдет, я сама с ума сойду. Я сплю по три часа за ночь.

Макс посмотрел вниз на свои ноги. Он был в белой пижаме и босой. Он пошевелил пальцами ног, продолжая слушать разговор.

— Что же делать, Оля? Что ты предлагаешь?

Отец Макса был железнодорожником и водил пассажирские составы и когда Макс был у него один раз на работе, дал Максусу сделать сигнал тепловоза, усадив того на колени и счастливо смеялся, глядя на серьезное лицо ребенка. Отец не каждый день дома, у него частые командировки в другие города и тогда мать оставалась с Максом одна.

— Витя, это происходит снова и снова. Надо что-то делать. Макс снова стоял ночью в комнате. Он не понимал, где он находится! Его отсутствующий взгляд! Я его забыть не могу! Я пять минут не могла привести сына в чувство.

Макс припомнил это происшествие. Когда мама еле растолкала его за плечи и он вышел из забытья, он говорил правду. Он не лгал.

— Макс! Макс! — мама сильно трясла его за плечи, так что обои с жирафами на стенах зарыбились в его глазах, и стало казаться, что синие жирафы куда-то побежали.

— Мам! — Макс посмотрел ей в глаза и его взгляд стал осмысленным. Она, присев на колени, прижала его к груди. — Мама! Я сейчас говорил с дедушкой!

— Каким дедушкой? — мама снова оторвала его от себя и направила на него сильно встревоженный взгляд.

— Таким дедушкой интересным. Он белый и одет в огромный серый мешок из-под картошки.

— Подожди, сынок. Ты выдумываешь, да? Фантазируешь.

— Нет, мамочка, я не фантазирую. Я не вру, мамочка. Там не только дедушка. Там есть и другие дедушки, есть другие люди, есть...

Он задумался, тщательно подбирая слова.

— Есть другие сущности. Они все находятся за стеной. Я спокойно вижу их. По ночам тоже.

— Откуда ты знаешь такое слово?

— Какое?

— Сущности...

— Это мне дедушка сказал. У него есть палка в руках и борода длиннющая как у Деда Мороза. Он добрый. Ты на него не ругайся, мамочка.

Мама приложила руку к его лбу и удостоверилась, что температуры нет. Когда недавно у него поднялась температура, Макс оказался в мире высоких зеленых трав. По грудь в траве он пошел к человеку, который стоял недалеко. Светило яркое солнце, вдалеке позади лугов расположились кудрявые рощицы. Краски были необыкновенно яркие, волшебные краски и Макс подумал, что попал в какую-то волшебную игру. Он подошел к дедушке с бородой, вокруг которого кружил, искрил и серебрился воздух. Дед взял Макса за плечико, нагнулся к нему и спросил.

— Я знал, что ты придешь. Видишь, Макс, солнышко?

— Вижу.

— Это Бог создал для нас. Много миров.

— Солнышко дарит тепло, — сказал Макс то, что выучил в детском саду к одному утреннику.

— Молодец, правильно.

Какие-то люди вдалеке возделывали землю. Впереди них в высоких травах бежали животные, очень похожие на коней.

— Смотри, дедушка, лошадки! — мальчик закричал и вытянул указательный палец.

— О, да! — улыбнулся дедушка в бороду и произнес. — Это единороги...

Они долго гуляли с дедом по траве, взявшись за руки. Дедушка рассказал ему много интересного. А потом Макс купался в хрустальном водопаде, подставляя под него спину и хохоча. А после купания дедушка повел рукой и Макс взмыл над землей и полетел, широко разведя руки. И было совсем не страшно.

Вдруг голубое небо стали наполнять тучи, черные как разлитые чернила на белой ска-терти, которые один раз разлил Макс, достав их из любопытства из ящика стола папы.

— Что это? — спросил Макс, когда по ним ударил холодный ветер. — Это гроза?

— Нет, Макс, это тень Большого Зла. Тень отца лжи. Тебе пора домой, малыш.

Макс рассказал матери и отцу о дедушке, зеленой траве, единорогах, о водопаде, где он так славно купался. Он лежал в кровати, так как болел, и у него была высокая температура, которую мама старательно измеряла каждые пять минут, и не понимал, почему так бледны и испуганы родители.

А сейчас мама снова за стеной поднимает панику. Почему они не верят Максусу?

— Существа, единороги, дедушки какие-то, — мама горячо говорила папе и он отвечал.

— Но что делать, Оля? Что? Может быть, ему снится все это?

— А откуда он знает такие слова?

— Оля, есть телевизор. Услышал и записал в мозгах. Науке давно известно, что ребенок получает девяносто процентов информации до десяти лет.

— Нет, Витя, с Максом не все нормально. Заявления ребенка о полетах меня пугают до смерти.

— Детская фантазия границ не знает...

— Виктор, прекрати! — если мама соскочила на официальное Виктор, то впереди ничего хорошего. — Он говорит о параллельных мирах. Ты посмотри на его рисунки...

— Рисунки как рисунки. Детские...

— Не все. Один раз он нарисовал, как огромный черный рот с зубами съедает солнце. Откуда, Витя, в пятилетнем ребенке рассуждения о добре и зле, каких-то будущих миссиях, о полетах над землей.

— Хорошо. Что ты собираешься делать? Показать его психиатрам? Чтобы они закармливали ребенка таблетками только ради того, чтобы кто-то из умников написал диссертацию. Я не против обследования Макса, но чтобы без таблеток! Никакие психотропные вещества давать ребенку я не разрешу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.